

Научная статья

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Кустов А. М.

Академия управления МВД России, г. Москва, Россия

Прокофьева Т. Ю.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье предлагается авторское обоснование самостоятельного направления криминалистической методики, предметом которого выступает обеспечение выявления, прогнозирования и нейтрализации противодействия расследованию преступлений, в том числе совершаемых в экономической сфере. Исследование основано на обобщении судебно-следственной практики, изучении уголовных дел о деятельности организованных групп и преступных сообществ, результатах опросов следователей и осужденных, а также на применении системного, классификационного и модельного подходов. Противодействие рассматривается не как совокупность разрозненных помех, а как вторичная целенаправленная деятельность, обладающая собственным механизмом. Раскрыта структура типовой информационной модели такого механизма: сокрытие преступления и его следов; воздействие на следователя и иных участников судопроизводства; устранение носителей доказательственной информации; управление публичным восприятием расследования; организация побегов, лжесвидетельства и уничтожения материалов дела; давление на прокурора и суд. Показано, что применительно к экономическим преступлениям противодействие нередко осуществляется посредством внешне правомерных хозяйственных операций, корпоративных полномочий, финансовой документации, цифровых инструментов и коррупционных связей. Сформулирована многоуровневая система уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, тактических, оперативно-розыскных и организационных мер. Сделан вывод о необходимости перехода от реагирования на уже возникшие препятствия к опережающему криминалистическому моделированию возможного поведения заинтересованных лиц.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, противодействие расследованию, нейтрализация противодействия, механизм преступной деятельности, информационная модель, экономическая преступность, частная криминалистическая методика.

Для цитирования

Кустов А. М., Прокофьева Т. Ю. Криминалистическое обеспечение преодоления противодействия расследованию преступлений: теория и практика // Высотехнологичное право. 2026. Т. 2, № 3 (5). С. 70-.

Original article

FORENSIC SUPPORT FOR OVERCOMING COUNTERACTION TO CRIME INVESTIGATION: THEORY AND PRACTICE

Anatoly M. Kustov

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia

© А. М. Кустов, Т. Ю. Прокофьева, 2026

Высотехнологичное право. 2026. Т. 2, № 3 (5).
High-Tech Law. 2026. Vol. 2, No. 3 (5)

Tatiana Yu. Prokofyeva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Abstract. The article develops an original rationale for recognizing forensic support for detecting, forecasting, and neutralizing counteraction to crime investigation as an independent field within forensic methodology, with particular attention to economic crime. The research relies on the generalization of judicial and investigative practice, the examination of criminal cases involving organized groups and criminal communities, surveys of investigators and convicted persons, and systemic, classificatory, and model-based methods. Counteraction is interpreted not as a random set of obstacles but as a secondary purposeful activity with its own mechanism. The proposed typical information model comprises concealment of the offense and its traces; pressure on investigators and other participants in proceedings; removal of persons possessing evidentiary information; manipulation of the public perception of the case; organization of escapes, false testimony, and destruction of case materials; and unlawful influence on prosecutors and courts. In economic cases, such conduct often employs outwardly lawful business transactions, corporate authority, financial records, digital instruments, and corrupt connections. The authors systematize criminal-law, criminal-procedural, tactical, operational-search, and organizational measures and substantiate the transition from reactive responses to anticipatory forensic modeling of likely obstructive behavior.

Keywords: forensic support, counteraction to investigation, neutralization of counteraction, mechanism of criminal activity, information model, economic crime, specific forensic methodology.

For citation

Kustov A. M., Prokofyeva T. Yu. Forensic support for overcoming counteraction to crime investigation: theory and practice // High-Tech Law. 2026. Vol. 2, No. 3 (5). Pp. 70-.

Введение

Современная криминалистическая методика развивается в направлении перехода от описания отдельных признаков преступления к построению моделей, объясняющих внутреннюю организацию преступной деятельности. Практическая ценность такого подхода состоит в том, что следователь получает не статичный перечень характеристик, а систему ориентиров: какие элементы преступного механизма взаимосвязаны, в какой последовательности они проявляются и какие действия целесообразно предпринять в конкретной следственной ситуации. Типовая модель тем самым выполняет прогностическую, поисковую и организационную функции.

Методологические основания моделирования преступной деятельности последовательно формировались в отечественной криминалистике. Опыт разработки типовых моделей и алгоритмов был обобщен в коллективной работе 1989 г. [14]. В дальнейшем информационная модель рассматривалась как системная база частной методики [8], а применительно к преодолению противодействия были предложены типовые криминалистические программы [3]. В научной литературе информационная модель связывается с упорядоченным

представлением криминалистически значимых свойств определенного рода преступной деятельности, ее структуры и закономерных связей между элементами [5, с. 169]. Эти положения согласуются с общим развитием учения о криминалистической методике и механизме преступления [2, 6, 9, 11].

Цифровизация расследования расширяет возможности модельного подхода. Наряду с традиционными описательными конструкциями используются информационно-компьютерные модели, автоматизированные поисковые системы, массивы данных и алгоритмы выявления устойчивых зависимостей. Цифровая трансформация, однако, не только создает новые инструменты расследования, но и предоставляет субъектам противодействия дополнительные способы сокрытия информации, координации поведения и воздействия на доказательства [13].

Именно поэтому противодействие расследованию целесообразно изучать как особый объект криминалистического познания. В практике оно проявляется не единичным действием, а последовательностью взаимосвязанных решений, принимаемых преступником и поддерживающими его лицами после возникновения угрозы разоблачения. Хотя отдельные формы противодействия исследованы достаточно подробно, комплексные частные методики, исходящие из модели преступлений, совершаемых ради воспрепятствования расследованию, пока не приобрели завершенного характера. Особенно заметен этот пробел по делам экономической направленности [4, 7].

Цель работы состоит в раскрытии закономерностей механизма преступлений, совершаемых для воспрепятствования предварительному расследованию и судебному разбирательству, а также в формировании взаимосвязанной системы мер их предупреждения и нейтрализации. Для достижения этой цели использованы результаты анализа судебно-следственной практики, материалы уголовных дел о преступлениях организованных групп и преступных сообществ, данные опросов следователей и осужденных, методы классификации, системного анализа и криминалистического моделирования.

1. Противодействие расследованию экономических преступлений как самостоятельный объект криминалистического анализа

Расследование преступлений экономической направленности осложняется не только спецификой финансово-хозяйственных отношений, но и тем, что препятствующие действия нередко встроены в обычные управленческие и учетные процессы. По опубликованным данным, в Москве за двенадцать месяцев 2025 г. число экономических преступлений увеличилось на 7,3 % по сравнению с предыдущим годом [12]. В изученном авторами массиве уголовных дел признаки целенаправленного противодействия выявлялись в 70–90 % случаев. Приведенный показатель

характеризует исследованную совокупность дел и свидетельствует о практической распространенности рассматриваемого явления.

Криминалистическая специфика противодействия в экономической сфере проявляется в совокупности взаимосвязанных признаков:

- решения о воспрепятствовании расследованию часто принимаются руководителями организаций, их заместителями либо иными лицами, контролирующими документы, персонал и движение активов;
- доказательственная информация изменяется через бухгалтерский учет, договорную работу, платежные документы, корпоративную переписку и иные носители хозяйственной деятельности;
- для снижения эффективности расследования могут использоваться коррупционные контакты в государственном аппарате, правоохранительной и судебной системах;
- поведение сотрудников нередко заранее регламентируется внутренними инструкциями или неформальными установками на случай обыска, выемки, допроса, документарной проверки либо иных процессуальных мероприятий.

Следовательно, разработка частной методики не может ограничиваться общим перечислением препятствующих действий. Требуется дифференциация по виду основного экономического преступления, организационной структуре хозяйствующего субъекта, используемым финансовым инструментам, способу документирования операций и составу лиц, располагающих возможностью влиять на доказательственную информацию. Результатом такого анализа должна стать не описательная схема, а практический алгоритм распознавания и опережающего пресечения типичных действий.

2. Структура типовой модели преступной деятельности, направленной на воспрепятствование расследованию

Проведенное исследование позволяет представить механизм противодействия как вторичную преступную деятельность, возникающую в связи с совершенным деянием и угрозой привлечения к ответственности. Ее элементы объединены общей целью, распределяются между различными субъектами и реализуются в зависимости от изменения следственной ситуации. В типовой модели выделяются шесть функциональных блоков.

1. Преобразование следовой картины преступления. В этот блок входят утаивание, уничтожение, перемещение, маскировка и фальсификация материальных и цифровых следов. Одновременно формируется альтернативная информационная версия события: создаются фиктивные документы, объяснения и сведения о лицах, которые должны направить расследование по ложному пути.

Наиболее часто такие действия организуют виновный и его соучастники, поскольку именно они обладают необходимой информацией о механизме преступления и наиболее заинтересованы в сохранении его результатов. Вместе с тем в сокрытие могут вовлекаться потерпевшие и свидетели, которые по различным мотивам изменяют показания, содействуют перемещению предметов, уничтожению документов, сокрытию трупа, похищенного имущества или иных объектов, имеющих доказательственное значение.

С криминалистических позиций сокрытие последствий преступления представляет собой функционально организованную систему противоправного поведения, направленную на нарушение нормального хода доказывания. Ее ближайшими результатами становятся утрата либо искажение источников информации, затруднение установления обстоятельств дела и создание условий для уклонения виновного от ответственности.

Вместе с тем понятия сокрытия преступления и противодействия расследованию не тождественны. Их разграничение имеет методическое значение по следующим причинам:

- первичное преступление и последующее воспрепятствование расследованию имеют разные непосредственные цели, хотя подчинены общему интересу виновного;
- сокрытие может входить в первоначальный замысел преступления, тогда как часть действий по противодействию определяется уже сложившейся процессуальной ситуацией;
- интенсивная фаза воздействия на расследование обычно начинается после получения правоохранительными органами информации о преступлении либо после проведения первых проверочных мероприятий;
- круг субъектов противодействия шире состава непосредственных участников основного преступления и может включать лиц, не участвовавших в его совершении, но заинтересованных в исходе дела [10].

2. Противоправное воздействие на следователя и его близких. Содержание этого блока образуют шантаж, угрозы применения насилия, причинения имущественного вреда или похищения близких, а также предложение незаконного вознаграждения. Целью выступает изменение процессуальной позиции следователя, фальсификация либо уничтожение протоколов, экспертных материалов, отдельных доказательств или уголовного дела. Подобные действия могут исходить от участников преступного сообщества, иных заинтересованных лиц и коррумпированных представителей государственных структур [10].

3. Выведение из процесса носителей доказательственной информации. Речь идет о насильственном устранении, запугивании, изоляции либо ином подавлении активности свидетелей, потерпевших, подозреваемых, сотрудников правоохранительных органов и специалистов, участие которых способно существенно повлиять на установление обстоятельств дела [10].
4. Управление информационной средой расследования. В данном случае создается выгодная субъектам противодействия публичная интерпретация событий: распространяются недостоверные сведения, иницируются заказные материалы, дискредитируются участники расследования, а процессуальные действия представляются как незаконные или политически мотивированные. Цель такого поведения состоит в формировании внешнего давления на принимаемые решения.
5. Организация действий, непосредственно нарушающих ход производства по делу. К этой группе относятся подготовка побега, склонение к даче ложных показаний, согласование фиктивного алиби, уничтожение или подмена материалов уголовного дела, а также иные действия, препятствующие получению, проверке и судебному исследованию доказательств [10].
6. Воздействие на прокурора и суд. Оно может выражаться в подкупе, шантаже, угрозах насилием, причинении имущественного вреда либо похищении близких. Функциональное назначение такого поведения заключается в достижении благоприятного для обвиняемого процессуального решения, изменении объема обвинения, исключении доказательств или прекращении судебного разбирательства [10].
3. Отраслевая специфика механизма противодействия по делам экономической направленности

В экономической сфере механизм воспрепятствования расследованию сохраняет общую целевую направленность, однако реализуется через особую инфраструктуру. Субъекты используют корпоративную иерархию, распределение полномочий, бухгалтерские процедуры, банковские операции и профессиональные знания. Поэтому внешняя форма их поведения может соответствовать обычной хозяйственной деятельности, тогда как фактическая функция конкретных решений состоит в сокрытии активов, изменении доказательств либо затруднении доступа следствия к информации.

При построении типовых моделей необходимо учитывать неоднородность экономических отношений. Противодействие может возникать в производстве, торговле, кредитно-финансовой, посреднической, налоговой и иных сферах; отличаться в малом, среднем и крупном бизнесе; реализовываться в отношениях B2B, B2C и B2G. Каждая

из этих сред определяет круг документов, цифровых систем, должностных лиц и контрагентов, через которые возможно воздействие на расследование.

Основная сложность выявления сокрытия состоит в использовании юридически допустимых конструкций для достижения противоправной цели. Наиболее характерны следующие способы:

- внесение ложных данных в бухгалтерские, финансовые и первичные учетные документы, изготовление либо замена договоров, накладных, счетов-фактур и иных носителей сведений;
- оформление мнимых или притворных сделок, включая агентирование, поручение, заем и уступку требования, когда документальная форма прикрывает отсутствие реального экономического содержания;
- изменение маршрута денежных средств: расчеты через дебиторов, использование счетов взаимозависимых лиц, открытие новых счетов, дробление платежей и иные действия, затрудняющие прослеживание финансового потока;
- придание незаконным операциям вида обычных хозяйственных действий посредством выдачи займов, оприходования средств, начисления премий, возврата авансов либо отражения иных формально допустимых операций;
- непредоставление, искажение или рассредоточение сведений об имуществе, правах требования и фактическом контроле над активами;
- параллельное ведение неофициального учета, использование коррупционных связей, а также психологическое и физическое воздействие на работников, контрагентов и участников уголовного судопроизводства.

Информационное преимущество виновных определяется их знанием реальной структуры сделок, мест хранения документов, доступа к цифровым системам и движения активов. Это позволяет заранее оценить, какие сведения могут приобрести доказательственное значение, и принять меры к их уничтожению, искажению или перемещению. Поэтому промедление с обеспечением сохранности финансовой и цифровой информации существенно повышает риск необратимой утраты доказательств.

Обстановка противодействия экономическому расследованию складывается из сочетания профессиональной подготовленности участников, организационной дисциплины, технологических возможностей, легальных экономико-правовых инструментов и коррупционных ресурсов. Ее нейтрализация требует привлечения специалистов, оперативного анализа финансовых потоков, сохранения цифровых данных, координации между следственными и оперативными

подразделениями, а в необходимых случаях — межведомственного взаимодействия.

4. Закономерности выбора способов противодействия и значение опережающего моделирования

Материалы уголовных дел о преступлениях организованных групп и преступных сообществ, а также результаты опросов следователей и осужденных показывают, что выбор препятствующих действий не носит случайного характера. Он обусловлен видом основного преступления, масштабом и устойчивостью преступного объединения, ресурсами его участников, объемом уже полученных следствием сведений, личностными особенностями виновных и характером сложившейся процессуальной ситуации.

Повторяемость способов особенно заметна в криминалистически сходных категориях дел. К числу распространенных форм относятся изменение показаний подозреваемым или обвиняемым, уничтожение либо сокрытие предметов и документов, конструирование ложного алиби, передача третьими лицами недостоверных сведений о носителях информации, смена места жительства и уклонение от явки по вызову [10]. Указанные действия могут рассматриваться как диагностические признаки, позволяющие прогнозировать дальнейшее развитие противодействия.

На практике отдельные способы образуют устойчивые сочетания. Подкуп должностного лица может сопровождаться давлением на свидетелей и потерпевшего; уничтожение материальных следов — срочным выездом, изменением внешности или переводом активов; формирование ложной публичной версии — согласованием показаний участников. Выявление одного элемента такого комплекса должно ориентировать следователя на проверку вероятного наличия других связанных действий.

Поскольку общий замысел противодействия направлен на уклонение от ответственности за ранее совершенное преступление, следователь не должен ограничиваться реакцией на уже возникшие препятствия. Опережающее моделирование предполагает построение нескольких вероятных сценариев поведения заинтересованных лиц, оценку доступных им ресурсов и заблаговременный выбор мер сохранения доказательств, обеспечения безопасности участников и предотвращения утечки информации.

5. Система криминалистического обеспечения нейтрализации противодействия

Преодоление противодействия представляет собой комплексную деятельность, в которой уголовно-процессуальные решения сочетаются с тактическими приемами, техническими средствами и оперативно-розыскным обеспечением. При производстве следственных действий эта

система выражается в выборе времени и последовательности мероприятий, применении тактических комбинаций, использовании специальных знаний и средств фиксации, а также в обеспечении сохранности полученной информации.

Оперативно-розыскное сопровождение ориентировано на выявление намерений воспрепятствовать расследованию, установление каналов давления на участников процесса, документирование коррупционных контактов и иных противоправных связей. Техническая фиксация переговоров, встреч и действий допускается лишь при наличии предусмотренных законом оснований и должна обеспечивать последующее процессуальное использование полученных результатов.

С функциональной точки зрения средства нейтрализации образуют две взаимодополняющие группы. Первая предназначена для обнаружения и компенсации попыток изменить следовую картину преступления; вторая — для пресечения давления, подкупа, дезинформации, уклонения от участия в процессуальных действиях и иных форм вмешательства в расследование.

Обобщение судебно-следственной практики позволяет выделить наиболее результативные направления реагирования:

- своевременное применение предусмотренных УПК РФ мер процессуального принуждения с учетом характера выявленного риска;
- доведение до заинтересованных лиц фактической и правовой бесперспективности дальнейшего воспрепятствования расследованию;
- разъяснение ответственности за отказ от дачи показаний, заведомо ложные показания и иные преступления против правосудия с обязательным соблюдением процессуальных гарантий;
- проведение следственных действий в момент, когда субъект противодействия не успел согласовать позицию, уничтожить сведения или подготовить фиктивные объяснения;
- мотивированное разрешение заявлений и ходатайств, используемых не для защиты законного интереса, а для необоснованного затягивания и дезорганизации производства;
- ограничение в установленных законом пределах контактов между соучастниками и иными лицами, способными согласовать показания либо повлиять на свидетелей;
- использование правомерной мотивации к признанию, деятельному раскаянию и сотрудничеству при недопустимости принуждения к самооговору;
- тактически обоснованное дозирование сведений о ходе расследования без сообщения ложной информации, способной нарушить права участников процесса [10].

В непосредственном общении следователь сочетает убеждение, постановку уточняющих и контрольных вопросов, предъявление доказательств в логически выстроенной последовательности и приемы установления психологического контакта. Эффективность этих методов определяется не их формальным названием, а соответствием личности допрашиваемого, имеющимся доказательствам и конкретной следственной ситуации.

6. Организационные уровни обеспечения преодоления противодействия

Система нейтрализации будет устойчивой лишь при распределении задач между непосредственным исполнителем расследования, руководителем подразделения, законодателем и научно-образовательным сообществом. Каждый уровень располагает собственными полномочиями и ресурсами.

1. Уровень следователя, дознавателя и органа дознания. На этом уровне требуется:

- давать процессуальную оценку каждому подтвержденному факту незаконного вмешательства, не оставляя его без самостоятельного реагирования;
- до начала активной фазы сложного расследования анализировать известные эпизоды противодействия и определять способы их нейтрализации с привлечением необходимых специалистов;
- сначала обеспечивать сохранность следов и источников информации, после чего последовательно пресекать давление, согласование позиций и иные формы вмешательства;
- устанавливать не только исполнителей основного преступления, но и лиц, заинтересованных в искажении результатов расследования либо располагающих возможностью влиять на доказательства;
- помещать наиболее значимые вещественные доказательства и цифровые носители в условия раздельного, контролируемого и документированного хранения;
- соблюдать режим служебной конфиденциальности и исключать передачу сведений лицам, не участвующим в расследовании, независимо от характера личных или служебных отношений;
- выбирать тактические приемы с учетом вероятной линии поведения участников и создавать условия для восстановления в памяти забытых обстоятельств без внушения требуемого содержания показаний;
- выявлять давление на потерпевших и свидетелей, оперативно принимать меры безопасности и проверять причины резкого изменения ранее сообщенных сведений;
- привлекать лиц, обладающих специальными знаниями, и применять современные средства аудио-, видео- и цифровой фиксации процессуальных действий;

- незамедлительно сообщать руководителю подразделения о формах, субъектах и предполагаемых источниках противодействия [10].
2. Уровень руководителей следственных подразделений и органов дознания. Управленческое обеспечение включает:
- передачу сложных дел наиболее подготовленным следователям либо специально сформированной группе с возможностью привлечения сотрудников других подразделений;
 - установление ограниченного доступа к сведениям о планируемых тактических операциях, розыскных действиях, задержаниях и иных мероприятиях;
 - организацию раздельного доставления и содержания задержанных, исключаящую согласование показаний и несанкционированную передачу сведений;
 - личный контроль за проверкой сообщений о давлении на следователя и принятие немедленных мер при подтверждении таких фактов;
 - усиление следственной группы дополнительными сотрудниками, специалистами, средствами связи, защиты и технической фиксации;
 - информирование вышестоящего руководства и надзирающего прокурора, если имеющиеся данные не указывают на их причастность к противодействию;
 - пресечение незаконного вмешательства должностных лиц, обладающих административным ресурсом, с фиксацией содержания их требований и принятых мер;
 - отстранение от участия в расследовании сотрудника при наличии обоснованных данных о бездействии, утечке информации или неформальной связи с окружением подозреваемого;
 - инициирование служебной проверки в отношении работников, действия которых могут свидетельствовать о содействии субъектам противодействия;
 - предоставление обществу проверенной информации о ходе расследования в объеме, совместимом с тайной предварительного расследования, презумпцией невиновности и безопасностью участников [10].
3. Уровень законодательного регулирования. Совершенствование законодательства должно быть направлено на устранение пробелов в ответственности за умышленное незаконное вмешательство в расследование, а также на повышение эффективности механизмов государственной защиты потерпевших, свидетелей, подозреваемых и иных лиц, сообщающих значимую для дела информацию [10].
4. Уровень научных и образовательных организаций. Здесь необходимы разработка и экспериментальная проверка типовых программ нейтрализации, создание учебных моделей следственных ситуаций, подготовка методических рекомендаций и предложений по

совершенствованию правового регулирования защиты участников уголовного судопроизводства [10].

7. Классификация мер нейтрализации противодействия

Развивая подходы Э. У. Бабаевой [1] и И. В. Тишутиной [15], меры целесообразно классифицировать по юридической природе и непосредственной функции. Такая систематизация позволяет увидеть не конкурирующие, а взаимодополняющие инструменты, применяемые в зависимости от характера угрозы.

1. Уголовно-правовые меры выражаются в квалификации самостоятельных преступлений против правосудия и привлечении к ответственности лиц, осуществляющих незаконное воздействие (ст. 294, 296, 298.1, 299, 301–303, 307, 309–311 УК РФ). Одновременно законные стимулы к прекращению противодействия могут быть связаны с учетом смягчающих обстоятельств, деятельного раскаяния и содействия раскрытию преступления в пределах, установленных уголовным законом [1, 15].
2. Уголовно-процессуальные меры включают разрешение отводов заинтересованных участников, обеспечение явки лиц, необходимых для производства по делу, обоснованный выбор мер пресечения, предупреждение о неразглашении данных расследования, внесение представлений об устранении нарушений, обжалование незаконных судебных решений и установление судом срока ознакомления с материалами при явном злоупотреблении правом [1, 15].
3. Тактические меры направлены на получение проверяемых и устойчивых доказательств при строгом соблюдении закона. Они охватывают планирование следственных действий, выбор последовательности предъявления информации, постоянную проверку версий, сопоставление показаний с объективными данными и поддержание профессионального контакта с заявителем и ключевыми свидетелями [1, 15].
4. Оперативно-розыскные меры применяются при наличии законных оснований и включают получение сведений о подготовке противодействия, контроль коммуникаций, выявление технических каналов утечки, проверку защищенности рабочих помещений, обеспечение безопасности заявителей и свидетелей, а также содействие их явке в суд [1, 15].
5. Организационные меры обеспечивают согласованность и темп расследования, исключают неформальные контакты сотрудников с представителями заинтересованной стороны, устанавливают режим обращения с информацией и определяют порядок публичного освещения дела. Особое значение имеет фиксация служебных и внеслужебных контактов, поскольку даже нейтральная встреча

может быть выборочно записана и использована для дискредитации следователя [1, 15].

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что противодействие расследованию обладает признаками организованной, целенаправленной и изменяющейся деятельности. Его криминалистическое содержание не сводится к сокрытию первоначального преступления: оно включает воздействие на людей, документы, цифровые данные, процессуальные решения и общественное восприятие дела. Поэтому предметом научного анализа должен выступать не отдельный способ, а целостный механизм вторичной преступной деятельности.

Предложенная типовая информационная модель ориентирует следователя на прогнозирование вероятных действий заинтересованных лиц и раннее выявление их взаимосвязей. Она позволяет соотнести конкретную угрозу с необходимыми процессуальными, тактическими, оперативно-розыскными и организационными решениями, а также определить последовательность их применения.

По делам экономической направленности прогностическая функция модели имеет повышенное значение. Здесь сокрытие и давление часто осуществляются через законные по внешней форме договоры, платежи, корпоративные решения и цифровые операции. В связи с этим решающими становятся своевременное обеспечение сохранности документов и данных, анализ фактического экономического содержания операций и координация специалистов различного профиля.

Дальнейшее развитие данного направления предполагает создание дифференцированных моделей для отдельных категорий преступлений, их апробацию на материалах практики и включение соответствующих алгоритмов в подготовку следователей и дознавателей. Такой подход способен превратить преодоление противодействия из преимущественно реактивной деятельности в систему опережающего криминалистического обеспечения.

Список литературы

1. Бабаева Э. У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию: монография. Москва: Юрлитинформ, 2010. 276 с.
2. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. Т. 1. Москва: Закон и право, 1988.
3. Веренич И. В. Преодоление противодействия расследованию преступлений при производстве следственных действий. Типовые криминалистические программы. Москва: Юрлитинформ, 2023.
4. Волынский А. Ф. О способах противодействия расследованию экономических преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 27–36.

5. Давыдов В. О. Информационная модель преступления как инструмент формирования криминалистической методики расследования (на примере исследования статистических зависимостей между элементами преступлений экстремистской направленности) // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2012. Вып. 1. Ч. II. С. 169–176.
6. Енгибарян В. Г., Кустов А. М. Криминалистическая наука и практика в Армении и в России: монография: в 2 т. / под общ. ред. А. М. Кустова. Ереван: КОПИ ПРИНТ, 2024. 524 с.
7. Карагодин В. Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию: монография. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 175 с.
8. Колдин В. Я., Ищенко Е. П., Крестовников О. А. Типовая информационная модель или криминалистическая характеристика преступления? // Академический юридический журнал. 2006. № 4.
9. Криминалистика для государственных обвинителей / Г. Д. Белова [и др.]; под ред. А. Ф. Козусева, В. Н. Исаенко, А. М. Кустова; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2012. 479 с.
10. Кустов А. М., Лапин В. О. Современная криминалистическая практика и наука (конец XX в. — начало XXI в.): монография: в 2 т. Т. 1 / под ред. А. М. Кустова. Москва: Юрлитинформ, 2021. 296 с.
11. Лавров В. П. Криминалистическая классификация способов сокрытия преступления // Криминалистическая сущность, средства и методы установления способов сокрытия следов преступления: сборник трудов. Москва: Академия МВД РФ, 1987.
12. Рейтинг регионов России по экономической преступности // Медиа Ток: [сайт]. URL: <https://media-talk.ru/news/rating/rejting-regionov-rossii-po-ekonomicheskoy-prestupnosti/> (дата обращения: 20.04.2026).
13. Смушкин А. Б. Цифровая трансформация процесса расследования как объективная реальность // Вестник СПбГУ. Право. 2023. Т. 14. Вып. 1. С. 90–107.
14. Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования / под ред. В. Я. Колдина. Москва: МГУ, 1989.
15. Тишутина И. В. Противодействие расследованию организованной преступной деятельности: теория и практика выявления и преодоления: монография / под ред. А. Ф. Волынского. Москва: Юрлитинформ, 2012. 346 с.

References

1. Babaeva E.U. *Problems of theory and practice of overcoming opposition to criminal prosecution*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2010. 276 p. (In Russ.).
2. Belkin R.S. *Forensics: problems, trends, prospects. From theory to practice*. Vol. 1. Moscow: Zakon i pravo Publ.; 1988. (In Russ.).
3. Verenich I.V. *Overcoming opposition to the investigation of crimes in the course of investigative actions. Typical forensic programs*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2023. (In Russ.).
4. Volynsky A.F. On ways to counter the investigation of economic crimes. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ehkonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2013; 4-2: 27-36. (In Russ.).
5. Davydov V.O. Information model of a crime as a tool for the formation of a forensic investigation methodology (using the example of studying statistical dependencies

between elements of extremist crimes). *Izvestiya TulGU. Ehkonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2012; 1. Part II: 169-176. (In Russ.).

6. Engibaryan V.G., Kustov A.M. *Forensic science and practice in Armenia and Russia*. In 2 vol. A. M. Kustov (ed.). Yerevan: KOPI PRINT Publ.; 2024. 524 p. (In Russ.).

7. Karagodin V.N. *Overcoming opposition to the preliminary investigation*. Sverdlovsk: Ural University Publ.; 1992. 175 p. (In Russ.).

8. Koldin V. Ya., Ishchenko E. P., Krestovnikov O. A. A typical information model or forensic description of a crime? *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal*. 2006; 4. (In Russ.).

9. *Forensics for state prosecutors*. G. D. Belov [et al.]; ed. A.F. Kozuseva, V.N. Isaenko, A.M. Kustova (eds.); Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Moscow: Norma, INFRA-M Publ.; 2012. 479 p. (In Russ.).

10. Kustov A. M., Lapin V. O. *Modern forensic practice and science (late XX century - early XXI century)*. In 2 vol. Vol. 1. A. M. Kustov (ed.). Moscow: Yurlitinform Publ.; 2021. 296 p. (In Russ.).

11. Lavrov V.P. Forensic classification of methods of concealment of a crime. In: *Forensic essence, means and methods of establishing methods of concealing traces of a crime*. A collection of works. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1987. (In Russ.).

12. Rating of Russian regions by economic crime. Media Tok: [website]. Available at: <https://media-talk.ru/news/rating/rejting-regionov-rossii-po-ekonomicheskoy-prestupnosti/> (accessed: 20.04.2026). (In Russ.).

13. Smushkin A.B. Digital transformation of the investigation process as an objective reality. *Bulletin of St. Petersburg State University. Law*. 2023; 14 (1): 90-107. (In Russ.).

14. *Typical models and algorithms of forensic research*. V.Ya. Koldin (ed.). Moscow: Moscow State University; 1989. (In Russ.).

15. Tishutina I.V. *Counteraction to the investigation of organized criminal activity: theory and practice of identifying and overcoming*. A.F. Volynsky (ed.). Moscow: Yurlitinform Publ.; 2012. 346 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Кустов Анатолий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, г. Москва, Россия; e-mail: amkustov@bk.ru; ORCID 0000-0002-2473-9382.

Прокофьева Татьяна Юрьевна, доктор экономических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной экономики Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия; e-mail: prok-07@yandex.ru; ORCID 0000-0002-3260-2677.

Information about the authors

Anatoly M. Kustov, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher at the Research Center, Professor at the Department of Management of Crime Investigation Agencies, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia; e-mail: amkustov@bk.ru; ORCID 0000-0002-2473-9382.

Tatiana Yu. Prokofyeva, Doctor of Economics, Professor at the Department of Theoretical and Applied Economics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; e-mail: prok-07@yandex.ru; ORCID 0000-0002-3260-2677.

Поступила в редакцию / Received 02.06.2026

Поступила после рецензирования / Received after review 31.08.2026

Принята к публикации / Accepted 24.09.2026